

Эдди РОЗНЕР

ШМАЛЯЕМ ДЖАЗ, ХОЛЕРА ЯСНА!

Шифона

ДЕКОМ

Имена (Деком)

Дмитрий Драгилев

**Эдди Рознер: шмаляем
джаз, холера ясна!**

«Деком»

2011

ББК 85.364.1-8

Драгилев Д. Г.

Эдди Рознер: шмаляем джаз, холера ясна! / Д. Г. Драгилев — «Деком», 2011 — (Имена (Деком))

ISBN 978-5-89533-236-8

Представляем первую в нашей в стране большую книгу о Рознере, написанную увлекательно и подробно, с привлечением многих редких, неизвестных или ранее не публиковавшихся материалов. Эдди Рознер – одна из самых загадочных фигур отечественной эстрады и джаза: коренной берлинец, джазовый виртуоз довоенной Европы, первая звезда польского и белорусского свинга, первый настоящий шоумен в СССР. В Советском Союзе его имя и музыка попадали под запрет дважды – в конце сороковых и начале семидесятых. Неудивительно, что мы до сих пор очень мало знаем об этом выдающемся музыканте. Еще при жизни о нем слагались легенды. Современники помнят его как кумира стилияг и любимца женщин, неутомимого рассказчика и человека со сложным и авантюрным характером, баловня фортуны и вечного скитальца. Кем был он на самом деле? Откуда он приехал в Советский Союз? Какие перипетии пришлось пережить тому, кого еще в юности прозвали «белым Армстронгом»? Книга ответит на эти вопросы. В нее вошли воспоминания певицы Нины Бродской, свидетельства коллег, друзей и близких блистательного трубача. Автор документального романа, писатель и музыкант Дмитрий Драгилёв, собирал сведения об Эдди Рознере на протяжении двадцати пяти лет. Книгу иллюстрируют эксклюзивные фотографии. Компакт-диск прилагается только к печатному изданию.

ББК 85.364.1-8

ISBN 978-5-89533-236-8

© Драгилев Д. Г., 2011

© Деком, 2011

Содержание

Редакционная прелюдия	8
Хроника жизни и творчества Эдди Рознера	9
Глава I	15
Где эта улица?	15
Музыка – лучшая медицина	20
Фокстротопоклонники	26
Глава II	32
Штефан Вайнтрауб	32
Белый Армстронг	36
«Они все здесь»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Драгилёв

Эдди Рознер: шмаляем джаз, холера ясна!

Автор и издательство выражают искреннюю благодарность Нине Бродской (Нью-Йорк), Валентине Владимировой-Рознер (Берлин) и Ирине Прокофьевой-Рознер (Франкфурт-на-Майне) за предоставленные воспоминания и возможность использования личных архивов.

Без их участия появление книги было бы невозможным.

Выражаем глубокую признательность Владимиру Гилевичу, Юрию Диктовичу, Нине Дорда, Евгении Завьяловой, Игорю Кантюкову, Бедросу Киркорову, Алексею Козлову, Олегу Марусеву (Москва), Сергею Герасимову и Геннадью Гольштейну (С.-Петербург), Александру Симоновскому (Кёльн), Борису Рацеру и Эгилу Шварцу (Мюнхен), Александру Пищикову (Берлин), Владимиру Богданову (Нью-Йорк) за воспоминания и трепетное отношение к памяти об Э. И. Рознере и его оркестре, а также Анисиму Гиммерверту за дружескую поддержку.

Редакционная прелюдия

Эдди Рознер...

Произношу это имя, а перед глазами возникает переполненный зрителями зал. Вот-вот откроется занавес и начнется концерт. И вдруг в полусумраке зала, откуда-то возникает завораживающий звук трубы. Он взбирается всё выше и выше, наполняя душу ощущением какого-то беспокойства и напряженного ожидания неизведанного, но прекрасного зрелища. На самой высокой ноте звук трубы внезапно обрывается и открывается сцена. Там в едином строю – оркестранты в светлых костюмах, а в середине человек с ослепительной улыбкой под тонкими усиками и со сверкающей трубой в руках. Еще ничего не произошло и всё впереди, но зал уже покорен.

Несмотря на все запреты и переименования своего детища, его создатель, по сути, сохранил верность «девичьей фамилии» коллектива, полученной им в 1939 году, – «джаз-оркестр Эдди Рознера».

Немаловажной причиной притягательности оркестра была необычная личность его создателя и руководителя, который приехал в Советский Союз будучи уже известным и сложившимся на Западе джазменом.

В годы «холодной войны» и наглухо закрытого «железного занавеса», в разгар борьбы с «космополитизмом и иностранщиной» само имя Эдди Рознера на афишах уже обещало нечто, не похожее на всё остальное. Зритель получал возможность не только услышать джаз, исполненный на мировом уровне, но и увидеть настоящее шоу, что по тем временам было невероятной редкостью.

Мне приходилось бывать на концертах Л. Утесова, Б. Ренского, Д. Покрасса и других коллективов, но такого яркого впечатления, как оркестр Э. Рознера, не производил никто.

Личное обаяние Рознера, манера держаться на сцене, взаимодействие с публикой и коллегами, даже его иностранный акцент – всё было неотразимо. От руководителей других оркестров Эдди Рознер отличался еще и тем, что был виртуозным трубачом и его сольные выступления были гвоздем программы каждого концерта.

А разве можно было себе представить танцы 40-х годов без рознеровских мелодий, привезенных из Европы? «Ах, Иосиф-Иосиф» и знаменитая «Бай мир бист ду шейн», или в русском издании «Моя красавица». Впрочем, существует еще несколько русских песенных вариаций.

Идея выпуска в серии «Имена» книги, посвященной столетию со дня рождения знаменитого музыканта, возникла у издательства в 2007 году, вскоре после выхода в свет книги А. Гиммерверта об Оскаре Строке. То был первый и успешный опыт издания с вложением музыкального диска. Прошло несколько лет, и осенью 2009 года из Нью-Йорка нам позвонила певица Нина Бродская, работавшая с оркестром Рознера, и предложила использовать свои воспоминания, фотоматериалы и музыкальные записи для создания книги о своем первом учителе и маэстро, которого в оркестре называли «царь».

Автор книги Дмитрий Драгилёв проделал громадную по объему работу по сбору и изучению архивных материалов и привлечению других участников к созданию книги.

Процесс подготовки издания был долгим и непростым: создатели, участники и издательство в буквальном смысле раскиданы по всему миру. Но, наконец, книга вышла в свет, и мы, дорогие читатели, представляем ее вам.

*Главный редактор
Яков Гройсман*

Хроника жизни и творчества Эдди Рознера

1910, 26 мая – в Берлине, в семье Игнацы Рознера и Розы Лямпель родился шестой, самый младший ребенок – Адольф (Ади)

1916–1927 – годы учебы Ади Рознера в консерватории Юлиуса Штерна и других музыкальных учебных заведениях Берлина по классу скрипки. Также он осваивает игру на трубе

1927 – дебют в берлинском баре «Маяковский» в качестве скрипача

1927–1930 – ангажементы в оркестрах А. Шпигеля, В. Розе-Петези, М. Вебера, М. Никиша

1929, апрель – начало сотрудничества с ансамблем *Weintraub Syncopators*

1930–1933 – постоянная работа в ансамбле *Weintraub Syncopators*. С этим коллективом Рознер гастролирует, участвует в съемках музыкальных фильмов

1932, лето – выступления на океанских лайнерах, курсировавших по маршруту Гамбург – Нью-Йорк

1933, лето –1934, осень – уход из *Weintraub Syncopators*, работа в Бельгии и Голландии, участие в ансамбле Ф. Кандрикса, создание собственного коллектива

1934, ноябрь – знакомство с Луи Армстронгом в Брюсселе

1934/35–1939 – годы работы в Польше: Варшава, Лодзь, Краков

1938 – европейское турне: Франция, Голландия, Скандинавия, Прибалтика. Первые записи «Каравана» и других джазовых композиций, сделанные для парижского филиала американской фирмы грампластинок *Columbia*

1939 – знакомство в Варшаве с театральной актрисой Рут Каминской, которая становится гражданской женой Рознера

1939, осень – эмиграция из Польши в СССР – Белосток, Львов и Минск. Создание Государственного джаз-оркестра Белорусской ССР под руководством Э. Рознера

1940 – первые триумфальные гастроли по Советскому Союзу

1941–1944 – концерты в тылу и на фронте. Первое знакомство с московской танцовщицей Галиной Ходес и ее семьей

1941 – рождение дочери Эрики

1944 – Рознер удостоен звания заслуженного артиста Белоруссии. Первая запись «Сент-Луис блюза», сделанная с Госджазом БССР. Эта запись признана ныне одним из лучших образцов европейского джаза своего времени

Эдди РОЗНЕР

1946, август – разгромная статья в «Известиях», направленная против Э. Рознера

1946, ноябрь – попытка выехать с Рут и Эрикой в Польшу, арест во Львове

1946–1954 – Рознер в тюрьме, а также лагерях в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Магадане. Руководит лагерными оркестрами. Рут находится в ссылке в Кокчетаве (до 1952 г.), Эрику забирает в Москву подруга семьи

1947 – знакомство в Хабаровске с Антониной Грачевой, выступавшей с лагерным оркестром

1948 – рождение сына Владимира

1952 – знакомство в Магадане с танцовщицей Мариной Прокофьевой-Бойко, руководившей культурно-воспитательной бригадой

1953 – рождение дочери Ирины. Марина Прокофьева-Бойко после освобождения из лагеря перебирается в Москву, а потом в Николаев

1954, май – июнь – Рознер освобожден из лагеря после пересмотра дела

1954, осень –1970, декабрь – Эдди Рознер во главе созданного им эстрадного оркестра Росконцерта (Москва), регулярные выступления по всей стране. В оркестре играют лучшие джазовые музыканты страны, с ним сотрудничают известные режиссеры, танцоры и конферансье, а также популярные эстрадные исполнители Нина Дорда, Тамара Кравцова, Капитолина Лазаренко, Гюли Чохели, Ирина Бржевская, Майя Кристалинская, Эмиль Горовец, Владимир Макаров, Лев Пильщик, Лариса Мондрус, Нина Бродская, Салли Ландау-Таль, Ирина Подольшян, Татьяна Конькова, Камилла Кудрявцева, Вида Вайткуте, Майя Головня, Ло Лонг (Людмила Солоденко) и певицы из соцстран

1956 – свадьба Рознера с Галиной Ходес. Эрика и Рут уезжают в Польшу. Марина возвращается в Магадан. Участие оркестра Рознера в съемках музыкальной кинокомедии «Карнавальная ночь» (реж. Э. Рязанов)

1957 – тяжелая автомобильная авария под Днепропетровском

1960, лето – участие в премьерной программе Московского мюзик-холла, концерты на стадионах

1960 – переезд в квартиру дома на Каретном ряду

1962 – встреча с Бенни Гудменом, который гастролировал в Москве

1965 – Рознер (без оркестра) в составе советской делегации едет на джазовый фестиваль в Прагу

1966 – поездка в Варшаву в связи с предстоящей свадьбой Эрики

1967 – обновленный оркестр Рознера становится сенсацией Московского джазового фестиваля.

1968 – Эдди знакомит с Москвой приехавших из Комсомольска погостить Антонину и сына Владимира

1969 – снимается в эпизоде приключенческого фильма «Один шанс из тысячи» (реж. Л. Кочарян)

1970 – дочь Ирина становится студенткой МГУ и переезжает из Николаева в квартиру отца

1971, январь – сентябрь – Рознер руководит своим последним оркестром: биг-бэндом Гомельской филармонии

1973, январь – отъезд с женой Галиной Ходес в Западный Берлин

1973, весна – лето – поездка в США

1974, август – переезд в Германию дочери Ирины

1974–1976 – попытка создания ансамбля *Weintraubs Söhne*, ночного клуба *Gamasche*, контакты с Иваном Ребровым и др., встречи с бывшими коллегами

1976, 8 августа – Эдди Рознер скончался от сердечного приступа в своей берлинской квартире на Уландштрассе

Постскриптум

1976/1977 – переезд в Берлин приемной дочери Валентины с сыном Вадимом

1978–1984 – первые англоязычные публикации о Рознере: мемуары Рут Каминской и книга Фредерика Старра о советском джазе. Хорст Бергмайер составляет хронику ансамбля *Weintraub Syncopators*, в которой пытается дать обзор основных вех биографии Эдди Рознера

1985 – музыка Рознера снова звучит в Советском Союзе, однако без упоминания его имени (выходит фильм режиссера К. Шахназарова «Зимний вечер в Гаграх» с участием бывшего оркестра Э. Рознера п/у А. Кролла)

1985 – переезд Марины Бойко в Германию

1988 – выход альбома пластинок с записями Госджаза БССР в серии «Антология советского джаза» (фирма «Мелодия»), редактор Г. А. Скороходов

1990 – первая большая публикация о Рознере в журнале «Музыкальная жизнь» (автор Ю. С. Саульский)

1993 – первый концерт памяти Рознера в Москве, выход мемуаров Ю. В. Цейтлина – первой книги о Рознере и первого телевизионного фильма о нем

1999/2000 – на экраны выходит документальный фильм «Джазмен из Гулага» (Франция – Россия, режиссеры П. Сальфати и Н. Сазонова)

2001 – первый концерт в Москве, в котором прозвучали восстановленные партитуры Госджаза БССР

2004 – Международный фестиваль памяти Рознера в Израиле

2010 – Джазовый фестиваль имени Эдди Рознера учрежден и впервые проведен в Берлине.

Глава I Берлинская увертюра

Где эта улица?

Я ишу фамильное гнездо Рознеров в немецкой столице... От моего дома до дома, где в семидесятые годы двадцатого века жил наш герой, идет автобус. Улица Уландштрассе почти прямая, в трубу, не золотую, но подозрную, исхитрившись, можно увидеть даже Курфюрстендамм – знаменитый бульвар-променад Западного Берлина. Однако жизненный путь легендарного музыканта оказался куда извилистее, образовав две ровные половинки: 33 года – в Европе, 33 года – в Советском Союзе.

Чтобы попасть из метрополии времен кайзера, немого кино и джазовой лихорадки в Берлин, разделенный бетонной стеной, ему пришлось делать остановки в Варшаве и Лодзи, Минске и Москве, Магадане...

В доме на Уландштрассе, 110 была последняя квартира Рознера

Цел и невредим жилой комплекс на Уландштрассе – здесь была последняя квартира Эдди. С другими адресами связано детство нашего героя: еврейские «Сарайные кварталы», Горманнштрассе, 10–11 неподалеку от бывшей станции «Биржа», Гипсштрассе – где находилась реальная школа имени Р. Целле, бывшего обербургомистра города. Доходный дом по Георгенкирхштрассе, 5, наиболее часто упоминаемый Рознером в письмах и автобиографиях, не сохранился. Отправившись туда, лицезрешь образцы панельного домостроения, возведенные на манер советских «спальных районов». Серенькие, невзрачные.

Книгу о нем можно было бы назвать и по-другому: «Царь и его женщины». Царем Рознера прозвали в оркестре. А женщин Эдди боготворил всю жизнь: благоволил дамам и барышням, баловал, восхищался... И женщины отвечали ему взаимностью.

Первые женщины в жизни Эдди Рознера – его мама и четыре сестры; Эрна, Регина, Марта, Дора, при рождении названная Двойрой...

Отец будущего музыканта, Ицхак Рознер, переехал в Берлин из Польши, где его величали Игнацы, как знаменитого композитора Падеревского.

Говорить о том, что Рознер-старший был польским эмигрантом, в современном значении этого слова трудно. Формально он являлся эмигрантом австрийским. Дело в том, что в Германию Игнацы перебрался из Освенцима-Аушвица. Того самого Освенцима, где сорок лет спустя будет создан лагерь смерти для всех евреев Европы. После третьего раздела Польши городок принадлежал Австрии, точнее Австро-Венгрии. Неплохие условия для старта: австрийское подданство, включая владение немецким. В Берлине Ицхак Рознер познакомился с будущей женой – Розой Лямпель.

Вспоминая об отцовской профессии, Рознер называл разные специальности, например, такую редкую, как каретник. Уж не потому ли, что в Москве Эдди поселился на улице Каретный ряд? Ведь семью годами раньше в автобиографии, написанной на Колыме, Рознер по совету кого-то из заключенных превратил отца в сапожника. Вероятно, в связи с тем, что профессия сапожника показалась ему более пролетарской, понятной и уважаемой. Как-никак сыном сапожника был Иосиф Сталин, в качестве сапожника начинал Лазарь Каганович.

«Отец мой родился в рабочей семье... – напишет Рознер. – Родители отца, не обеспеченные материально, вынуждены были отдать его на ученье в сапожную мастерскую в возрасте 8 лет. Хозяин-сапожник уехал в г. Вену... и взял ребенка с собой. Там он освоил специальность сапожника и в 17-летнем возрасте уехал в Берлин, где работал в сапожной мастерской у хозяина. В возрасте 21 года отец женился и продолжал работать по специальности...»¹

Дом на Горманнштрассе, 10–11, где Ади жил с родителями

¹ Согласно свидетельству о браке, ему было 23. В этом же документе со слов Исаака-Игнацы он записан «коммивояжером».

Акцентируя внимание на пролетарских корнях своих родственников, Рознер подчеркивает: две его сестры, Регина и Дора, вышли замуж за рабочих – трикотажника и сапожника, родной брат Зигфрид до своей ранней смерти в 1931 году был рабочим текстильной фабрики.

Исключения – старшая дочь Эрна, ставшая супругой врача-окулиста Якоба Кернера, и Марта, похитившая сердце приказчика.

Однако примем во внимание слова падчерицы нашего героя – Валентины Владимирской. «Отец Эдди Рознера был ремесленником», – говорила мне она. Остановимся на этом. Рознер-старший вполне мог заниматься небудничным ремеслом – ремонтом гужевого транспорта. Когда-то такая профессия считалась элитной, «дворцовой».

Кстати, название профессии было заимствовано поляками у немцев, но постепенно, как это часто бывает, в Германии стали употреблять иной термин – *Wagenbauer*, Вагенбауэр. Всё просто до невозможности: ваген в самом общем понимании – предмет, с помощью которого, точнее в каковом, передвигаются по суше, бауэр в дословном переводе – строитель.

Берлин, 1910-е

Какое имя дали Эдди Рознеру при рождении? Вообще-то назвать его хотели Пинхас, но в большом берлинском водовороте идей и событий ребенку с таким именем было бы сложно-вато. Игнацы Рознер со спокойной душой записал своего сына Адольфом: тогда это имя не вызывало ненужных ассоциаций. По-домашнему Ади. Многие думают, что у Рознера было еще второе имя – Эдуард. На самом деле красивое сочетание Адольф Эдуард Рознер – плод фантазии, позднейшая выдумка тех, кто не мог понять, что имя Эди, Эдди появилось в результате прочтения уменьшительно-ласкательного Ади на английский манер.

У джазменов подобная фамильярность и разные переделки – вполне распространенная вещь. Если не брать в расчет тех, кого величали «графами» и «герцогами» – как Эллингтона и Бэйси, все они, или почти все, кроме разве что Гленна Миллера, раньше или позже становились Томми, Бенни, Арти. Обращение дружеское, удобное, легкое. Кому-то, впрочем, повезло

оказаться еще и «королем свинга», а Рознеру – обзавестись прозвищем «царь». Но это произойдет уже в России.

Интересно, что за пять дней до рождения Ади – так Рознера-младшего будут звать довольно долго – на околоземную орбиту заглянула комета Галлея. А чем еще ознаменовался 1910 год, кроме кометы, а также рождения джазменов Рознера и Арти Шоу²?

Многие события созвучны сегодняшним. Китай воюет с Тибетом, Далай-лама бежит, знакомое имя – Бутрос Гали – президент Египта и дед будущего генсека ООН становится жертвой политического покушения. Албанцы бунтуют в Косове, британский летчик-лихач приземляет свой аэроплан вблизи Белого дома – едва ли не так же, как западногерманский воздушный хулиган Руст на Красной площади семьдесят семь лет спустя. В Брюсселе проходит Всемирная выставка.

Гранд-отель на Александрплац, 1910-е

Но заглянем в музыкальный мир, тут события «покруче» нынешних, масштабнее. Одни премьеры чего стоят, а случились они у Арнольда Шёнберга и Густава Малера, у Джакомо Пуччини и Отторино Респиги, у Жюль Массне и Эрнеста Блоха. Какие имена! Молодой Игорь Стравинский пышно празднует успех балета «Жар-птица» в Париже: дягилевские сезоны в разгаре. Пионер немного кино Петр Чардынин решился на экранизацию романа Достоевского «Идиот», первая экранизация – большой риск. Появились грузовики фирмы «Опель» – для Игнацы Рознера очередной повод задуматься о долговечности своей профессии. В Берлине рядом с Потсдамской площадью открылся гранд-отель «Эспланаде» – в двадцатые годы в нем будет часто играть оркестр Марека Вебера, будущего патрона нашего героя.

² Знаменитый американский кларнетист и руководитель джазового оркестра Арти Шоу, выходец из семьи бывшего одессита Гарри Аршавского, появился на свет в Нью-Йорке 23 мая 1910 года – на три дня раньше Ади.

Он начинался мирно и увлекательно, этот новый двадцатый век, он вселял новые надежды. Достаточно было посмотреть по сторонам, впустить в себя огни большого города «на квадратных метрах» между Александрплац и Потсдамским вокзалом, чтобы навсегда влюбиться в этот волшебный калейдоскоп новинок, звуков и контрастов...

Музыка – лучшая медицина

Когда у евреев польских, малороссийских и белорусских местечек возникал вопрос «как жить?», за советом шли к раввину. Как жить маленькому Ади, семья Рознеров знала и так. По достижении шестилетнего возраста мальчику будет вручена... Разумеется, скрипка. Музыкальному ребенку, тем более с задатками вундеркинда, сулили большое будущее...

Давно доказано, что музы не молчат во время баталий. Даже грохот пушек сопровождается сигналами полковых труб и фанфар. У кого занимался Рознер? И где он учился?

Есть сведения, что в шесть лет мальчика приняли в подготовительный класс Берлинской консерватории Юлиуса Штерна, воспитанником которой он оставался четыре года. Как назло, списки питомцев этого частного учебного заведения за 1916/17–1923 гг. не сохранились. Иногда встречаются упоминания о некоем профессоре Мартине, преподававшем Ади основы скрипичного мастерства. Полагаю, что Мартин – трансформация фамилии Маттес. В краткой автобиографии образца 1973 года Эдди называет профессора Маттеса своим преподавателем по трубе, которая была для Рознера «дополнительно-обязательным» инструментом в Высшей школе музыки.

В советской театральной энциклопедии 60-х утверждается, что Эдди учился у скрипача Карла Флеша³.

Документальные свидетельства студенческих лет Эдди на поверхности не лежат. Трудно найти их и на глубине. Архивы Берлинского университета искусств полны лакун. Архивариусы не могут похвастаться тем, что следы пребывания Рознера в стенах Государственной академической высшей музыкальной школы сохранились. Впоследствии Эдди как минимум дважды говорил в интервью журналистам, что он учился на врача или собирался быть медиком. Так, в 1938 году рижская газета «Сегодня вечером» сообщала: «В свое время Эди Рознер готовился стать врачом, но, будучи студентом, почувствовал, что его призвание – музыка». Прошло больше тридцати лет, когда, будучи на гастролях в Гродно, Рознер сказал: «Учился в Берлине, в 18 лет окончил там высшую музыкальную школу, а потом... медицинский факультет университета. Так что по профессии я врач». Кстати, по свидетельству близких, настольной книгой никогда не страдавшего ипохондрией Рознера был «Справочник врача».

³ Карл Флеш жил в Германии с 1908 года, в основном в Берлине, с перерывами на гастроли в Россию, Европу, США. Когда нацисты захватили власть, Флешу, обладавшему репутацией одного из самых квалифицированных скрипичных педагогов Европы, удалось отплыть в Лондон. Затем он поселился в Голландии. Скрипачу грозил лагерь. Но преподавал ли маэстро Карл Флеш в консерватории Штерна? В 1921–1922 гг. Флеш вел спецкурс для скрипачей в Берлинской Высшей школе музыки. Здесь и тогда его мог бы «застать» наш герой: согласно официальной биографии Рознера за консерваторией последовала Высшая школа, занятия композицией, дирижированием... И все же о какой Высшей школе речь? Одна из английских публикаций ссылается на цитаты из автобиографии Эдди: в 1920 году он продолжил учебу в High School of Music, расположенной на Кантштрассе. Но по этому адресу в двадцатые годы находился... филиал консерватории Штерна. Может быть, под Высшей школой подразумевалась более высокая ступень обучения?

С кузенком Бернхардом Кернером. Начало 1920-х. На открытке надпись: «Любимым тете и дяде на память от племянника Адольфа и внучатого племянника Бернхарда»

Здесь мы сталкиваемся с первыми загадками в биографии Эдди, где правда соседствует с вымыслом, имиджевыми и маркетинговыми ходами, работой над образом, пережитая реальность усеяна преувеличениями, фантазиями и легендами. Многие из них ничуть не мешают рассказу, не нарушают его течение, особенно в наше время, когда каждая вторая «звезда» создает себе собственный миф. Мифы Рознера настолько красивы, настолько искусно и логично «инкрустированы» в панораму времени, в контексты, в линию судьбы, что поневоле вспоминаешь Вольтера: «Если даже этого не было, следовало бы придумать». У немцев, впрочем, есть другая поговорка: *Es ist zu schön, um wahr zu sein* – «Слишком прекрасно, чтобы быть правдой».

Гипсштрассе. На этой улице была школа, где учился Ади Рознер

Некоторым коллегам, например, скрипачу Борису Соркину, игравшему у него в оркестре, Эдди рассказывал такой вариант: родился в состоятельной семье, отец имел гостиничный бизнес, что позволило сыну учиться у лучших педагогов. В «колымской автобиографии» Рознер, напротив, подчеркивает тяжелое материальное положение родителей, «не имевших средств для оплаты обучения». «Угроза исключения из... учебных заведений возникала неоднократно в течение всех лет, но благодаря моих способностей и таланта (так в оригинале), мне удалось окончить их бесплатно». В семидесятые годы в интервью западногерманскому глянцево-

журналу *Bunte*, иллюстрированному, гламурному, Рознер упоминал некоего барона, советника коммерции Бруннера. Будто бы Бруннер предоставил подающему надежды юному скрипачу возможность жить на своей вилле в элитном берлинском районе Грюневальд. Барон вращался в высшем обществе, славился меценатством, светскими раутами, и одаренный мальчик якобы однажды выступил на приеме или банкете, который Бруннер устроил в честь президента Германской республики Фридриха Эберга. А еще выхлопотал для Ади государственную стипендию и даже приходился ему дальним родственником. Едва ли отрочество Рознера было столь безоблачным, отмеченным появлением богатого и влиятельного покровителя. Скорее всего, эта история относится к разряду сюжетов для прессы, на которые падки бульварные журналы. Стал бы Ади в семнадцать лет выступать в значных местах, если бы упомянутые благодеяния произошли на самом деле? Или неоновые огни джаза сбили паренька с «верного пути», что так часто случалось в разгар ревуших двадцатых?

По словам Ирины, младшей дочери Рознера, никакого благодетеля или импресарио не существовало. Не было и учебы на медика: «Отцу нравилась профессия врача, его племянница впоследствии стала доктором. Позже он сделает всё для того, чтобы я пошла в медицину, и ориентирует сына Владимира в этом же направлении».

Как бы то ни было, 1927 год оказался для Рознера судьбоносным, или, как нынче говорят, знаковым. Юноша начинает музыкой зарабатывать себе на жизнь, выступая как скрипач в барах, ресторанах и кафе. При этом он впервые «соприкасается» с Россией, с Советским Союзом: «питейным заведением», где Ади получил свой «дебютный ангажемент», был бар «Маяковский» на Майнекештрассе, в самом центре «русского пяточка» Берлина, именуемого в народе Шарлоттенград. Совсем неподалеку от «Маяковского» принимали гостей два крупнейших русских ресторана тех лет – «Кулинар» и «Городецкий». С «Кулинаром» всё понятно. Что до «Городецкого», то он назван не в честь русского поэта, но по фамилии своего владельца.

Неуверенность в себе долгое время считалась традиционным качеством тихих и зачастую начитанных еврейских юношей Восточной Европы. Верно это определение или нет, к Рознеру оно ни в коей мере не относилось. Да, Ади много читал, увлекаясь прежде всего приключенческой литературой, не проходя мимо модных детективов Эдгара Уоллеса. Зачастую в круг чтения попадали научные издания, лексиконы и словари – в дальнейшем Рознер сможет поддерживать беседу на английском и французском. Любовь к героям Джека Лондона и Даниэля Дефо приучит к мысли о том, что в жизни не обойтись без находчивости и сноровки, способности выживать в любых предложенных обстоятельствах, включая чрезвычайные. Наконец, самому «создавать обстоятельства». При этом – надеяться в основном на себя, на свои силы. Что касается фундаментальных характеристик, главным постулатом была семейная заповедь, передававшаяся по наследству: ты должен быть на голову выше, лучше, чтобы оказаться вровень с другими.

В консерватории Штерна по классу трубы учился Вальтер Йенсон, старше Ади на восемь лет. Сохранились фотографии, запечатлевшие Йенсона в белом костюме, с характерными, до боли знакомыми тонкими усиками. После Второй мировой он станет одним из первых джазменов ГДР. Бог весть, общался ли Рознер с Йенсоном, но так или иначе Ади начал активно осваивать трубу. Если быть точным – корнет, ее ближайший родственник. Не буду утверждать, что игра на корнете подвластна всякому, но научиться извлекать из него удобоваримые звуки достаточно легко, на мой взгляд, легче, чем мучая скрипку. И все же труба далеко не так проста, как это может показаться. По мнению большинства профессионалов, ее звук формируется не только с помощью губ, но всего корпуса, а инструмент служит лишь «усилителем» звука. Я уже не говорю о том, чтобы играть со свингом, импровизировать, владеть приемами и нюансами, забираться в космос высоких нот.

Ади Рознер в юности

Рознер сделал свой выбор: если уж не кларнет, то корнет тоже хорошо. Четыре десятилетия спустя на вопрос Бориса Соркина, «почему он стал не скрипачом, а трубачом», наш герой отшучивался: «Я заметил, что трубачам больше платят». Бытует версия, что «трубил» Ади «для себя», но однажды пришлось кого-то выручать, как это бывает на премьерном спектакле, когда начинающая актриса оказывается в состоянии заменить капризную примадонну... И дело пошло. Корнет – труба – флюгельгорн... Хотя скрипку Рознер не забросил, она в дальнейшем не раз напоминала о себе – доставались и скрипичные партии. Кроме того, скрипка привила любовь к струнным в джазе, к поиску новых звуковых сочетаний и соответствий (схожим путем шел Арти Шоу в Америке), к постоянной готовности предоставить работу исполнителям на смычковых инструментах (так поступит Гленн Миллер во время войны). Джазовые биг-бэнды в массе своей не нуждались в услугах струнников, и все же корифеи свинга Гарри Джеймс и Томми Дорси запишут многие свои хиты при их участии. А Ади вообще был упрямым парнем. В конце 20-х он услышит игру поселившегося в Берлине американского трубача-виртуоза Артура Бриггса, а в 1938 году в Париже – скрипку Стефана Грапелли. Это лишний раз убедит его в том, что и у трубы, и у «главного симфонического инструмента» колоссальные возможности, причем на трубе нужно играть так же плавно и грациозно, как играют на скрипке.

Знатоки правильно говорят: джазовая традиция не существует в отрыве от поддерживающих ее музыкантов – хранителей огня. Легкая музыка всегда была областью, в которой наравне с людьми, спешащими похвастать корочкой консерваторского диплома, работали и творили талантливые самоучки. Так исторически сложилось, так случается и сейчас, несмотря на то что нынче в любой уважающей себя большой стране можно постигать азы джаза в каком-нибудь приличном учебном заведении. Не забудем, однако, что ни Армстронг, ни Бенни Гудмен, ни Каунт Бэйси систематического музыкального образования не получили.

Да и какая разница, окончил Ади Высшую школу музыки с золотой медалью или (допустим) прервал учебу. Соответствует ли «музыкальная консерватория Штерна» (так Рознер сам ее называет в автобиографии) современному понятию «музыкальная школа», а Высшая музыкальная школа (которую Эдди, по его же собственным словам, посещал параллельно с гимназией) – музучилищу. Главное, что из этого вышло. Как выразился писатель Леонид Зорин устами одного из своих героев, «всякая правда условна, несостоятельна, недостоверна». А другой писатель, Эргали Гер, сказал: «Чем больше жмешь на правду факта, тем меньше литературы. Чем меньше литературы – тем меньше правды жизни».

Фокстротопоклонники

«В один прекрасный день»... Да простят меня читатели, уж больно затертая формула. А ведь такой день, слава Всевышнему, раньше или позже наступает. Я думаю, что он был прекрасным, тот день, когда на Ади обратил внимание известный в Берлине капельмейстер скрипач Вилли Розе-Петёзи. Рознер и Розе – хорошо сочетающиеся фамилии. Салонный оркестр этого скрипача уже в первой половине двадцатых годов записал на пластинки композиции с весьма красноречивыми названиями: «Шанхайский блюз», *I know a band... from dixieland*. Впрочем, не обольщайтесь. Нетрудно догадаться, что салонные оркестры Германии и «блюз», и «диксиленд» играли, руководствуясь правилами, принятыми в оперетте при исполнении модных танцев. Да и танцы эти были, скорее, стилизациями, приспособленными для нужд музыкальной комедии. Даже синкопы чарльстона у Розе-Петёзи напоминали чардаш. Недаром танец шимми из «Баядеры» Кальмана звучал в оркестре из сезона в сезон. Однако Розе-Петёзи имел регулярные ангажементы в Гамбурге и контракт с берлинским антрепризным театром Рудольфа Нельсона. А тот был в Берлине кем-то вроде легендарного Зигфильда в Штатах, главного шоу-специалиста довоенного Бродвея.

Файв-о-клок в отеле «Эспланада». 1926

Превратив скрипку в «запасной инструмент», Ади поступил более чем разумно. Чего-чего, но нехватки эффектных скрипачей столица Германии не испытывала. При этом многие сумели здесь добиться славы как модные капельмейстеры.

Самые известные могли похвастать украинским, белорусским или польским прошлым. В Киеве родились Ефим Шахмайстер и Лев Гольцман, в Борисове – Самуил Баскин. Из России родом был Илья Лифшакофф, а Пауль Годвин попал в Берлин из маленького силезского местечка, над которым недавно парил двуглавый орел царской России.

Музыка венских кондитерских, парков и кафехаузов по-прежнему пользовалась спросом. Как говорится, всякий почтенный берлинец не прочь

заглянуть в заведение, устроенное на австрийский лад, где можно не только заказать кофе и Kuchen⁴, но и бесплатно почитать свежую газету. Однако в конце двадцатых даже самому завязтому салонному скрипачу уже некуда было деться от джаза. Процветали файв-о-клоки, танцы к чаю в пять.

Уроженец Львова скрипач Марек Вебер джаз не любил. Ветеран «малой сцены», он в 1928 году разменял пятый десяток и чувствовал себя слишком старым для этой «нервической» музыки. Регулярные выступления в самом фешенебельном берлинском отеле «Адлон» приносили стабильный и солидный доход. Но совсем игнорировать жанр, которым восхищалась молодежь, было невозможно. А значит, нужно пригласить в оркестр увлеченных молодых музыкантов. Ади оказался в их числе.

Кое-что совпадает у Марека Вебера и Ади Рознера. Во-первых, господин Вебер учился в консерватории Штерна. Во-вторых, у него (согласно биографам) был альтернативный шанс стать врачом. Ну и, наконец, он тоже носил маленькие щеголеватые усики... Советскому слушателю оркестр Вебера был знаком как минимум двумя записями – танго Оскара Строка «Черные глаза» (первое исполнение!) и пасодоблем «Рио-Рита», гремевшим в середине тридцатых едва ли не с каждого патефона. Рознер проработал в этом коллективе недолго, но именно тогда он окончательно вырос в трубача-солиста.

⁴ Кусочек торта, пирога (нем.).

Потсдамская площадь, «Дом Отечества», один из танцевальных дворцов Берлина

Любой город, большой и маленький, новый и древний – это прежде всего его жители. Поэт Андрей Белый, обозревая ночную жизнь Берлина и будучи свидетелем фокстротной лихорадки, охватившей германскую столицу, назвал часть молодежи представителями «черного интернационала современной Европы» «с “негроидами” в крови» и «ритмом фокстрота в душе»:

«Я разглядывал их, шествующих по *Motzstrasse u Tauentzienstrasse*; бледные худые юноши с гладко причесанными проборами, в светлых смокингах и с особенным выражением... глаз; что-то строгое, болезненно строгое в их походке; точно они не идут, а несут перед собой реликвию какого-то священного культа; обращает на себя внимание их танцующая походка с незаметным отскакиванием через два шага вбок; мне впоследствии лишь открылось: они – “фокстротируют”, то есть мысленно исполняют фокстрот... бледные худощавые барышни

с подведенными глазами, с короткими волосами перекисиводородного цвета... Те и другие переполняют кафэ в часы пятичасового чая и маленькие “дилэ”... в одном углу гроыхает “джазбанд”... молодые люди встают; и со строгими лицами, сцепившись с девицами, начинают – о нет, не вертеться – а угловато, ритмически поворачиваться и ходить... на маленьком пространстве между столиков появляется оголенная танцовщица-босоножка».

В джазовом кабачке. Берлин, 1930

Поэт ужаснулся и сделал вывод: «в Берлине пляшут все». От миллиардеров до рабочих и нищих бродяг, «от семидесятилетних старух до семилетних младенцев». Танцуют в «плясульнях» – так Белый окрестил любые дансинги, «приличные, полуприличные, вполне неприличные». Пляшут немцы и венцы, чехословаки и шведы, выходцы из Польши и Китая, царской России, Японии, Англии...

Уже лет тридцать шло медленное, но верное превращение Берлина в узловую станцию для «транзитников» из Восточной Европы. И если до конца Первой мировой войны столица империи считалась временным перевалочным пунктом на пути беженцев на Запад или назад, то теперь главный город Веймарской республики приютил около трехсот тысяч восточноевропейских эмигрантов, в том числе из царской России. (Кстати, именно тогда Соединенные Штаты и некоторые другие страны ужесточили правила въезда.)

Танцкафе на Курфюрстендамм

Окраины Берлина полнились эмигрантами. Эмигранты попадали не только в «праздно танцующий город», но в «западную западню» – раздираемую противоречиями страну, где поднимали голову шовинизм и расизм.

Чтобы как следует поразвлечься, им не нужно было даже выезжать за пределы Сарайных кварталов. Всё зависело от размеров искомого пространства для «разгуляя» и толщины кошелька. В кафе *Mulackritze*, который в народе называли просто *Ritze* («Щелка»), собиралось самое пестрое общество. Здесь вращалась богема, завсегдатаями заведения числились и Дитрих, и Клэр Вальдофф – кабаретистка и лесбиянка, и театральные режиссер Густаф Грюдгенс, который сделает карьеру при Гитлере. В «Щелку» заглядывали дамы полусвета, сутенеры и гангстеры. В дальних комнатах проститутки принимали клиентов.

Берлин двадцатых – особая планета, особый флер. Сексуальность, выставленная напоказ, интимные песенки и эстрадные номера с большой дозой эротики, стриптиз, всё новые клубы и кабаре, включая леворадикальные – с Брехтом и Пискатором.

Кстати, о Брехте. Донжуанский список великого драматурга воистину необъятен. И все же в дневниковой записи 1927 года он пишет: «За одну сильную мысль я готов пожертвовать любой женщиной, почти любой».

Брехта впору заподозрить в лукавстве. Любимых женщин он старался любой ценой удержать возле себя. Был ли Ади готов пожертвовать женщиной ради музыки? По мнению бывшего администратора Гомельской филармонии, с которым нашего героя свела судьба на склоне лет, музыка – главная любовь Рознера. Самые черные для «черного жанра» годы не заставили его отречься от джаза.

Но от амурных историй он тоже не отрекался.

Исследователи спорят о том, насколько велик вклад возлюбленных Брехта в его творчество, вклад непосредственный, базирующийся на участии, близком к соавторству.

Подруги Ади зачастую оставались за кадром. Отношения далеко не всегда афишировались, хотя для близких и коллег происхождения трубача оставались секретом Полишинеля. Много позже, создав семью, галантный кавалер Эдди Рознер всегда будет соблюдать дистан-

цию, не переходя ту тонкую, деликатную грань, которая отделяла «домашнюю пристань» от всего внешнего мира. Влияние женщин, окружавших Рознера, прекрасных незнакомок, встречавшихся ему на пути, на его собственные художественные успехи, скорее, тема романа, чем биографического исследования. Дамы дарили ему свое внимание, переходящее в обожание, внимание рождало вдохновение. Они были музами, свидетельницами трудов и дней, творческие импульсы трубадур черпал в любви, не забывая о необходимости оглядываться вокруг. Конечно, Берлин двадцатых выработал в Рознере повадки «салонного льва». Ветреные берлинские красотки славились эксцентрическим непостоянством привязанностей. Недаром в оркестре Мити Никиша звучал фокстрот с таким «джентльменским назиданием»: «Легкое увлечение – мимоходом – вам не к лицу, милостивая госпожа. Люди или любят друга друга, или не любят».

Глава II

От джаза к джазу

Штефан Вайнтрауб

Переход от капельмейстера Марека Вебера к бэндлидеру Мите Никишу, бравшему пример с лучших американских симфоджазов, был для Ади безусловным шагом вперед.

Сразу предостерегаю от заблуждений: никакого отношения к России Митя Никиш не имел. Зато приходился родным сыном выдающемуся дирижеру Артуру Никишу. Его отец прославился как шеф симфонического оркестра концертного зала «Гевандхауз» в Лейпциге, филармонических оркестров в Бостоне и Берлине, директор Лейпцигской консерватории, блестящий интерпретатор музыки Брукнера и Чайковского, коллега Густава Малера.

И все же работа в бэнде Никиша-младшего осталась в биографии Ади интересным эпизодом, не более.

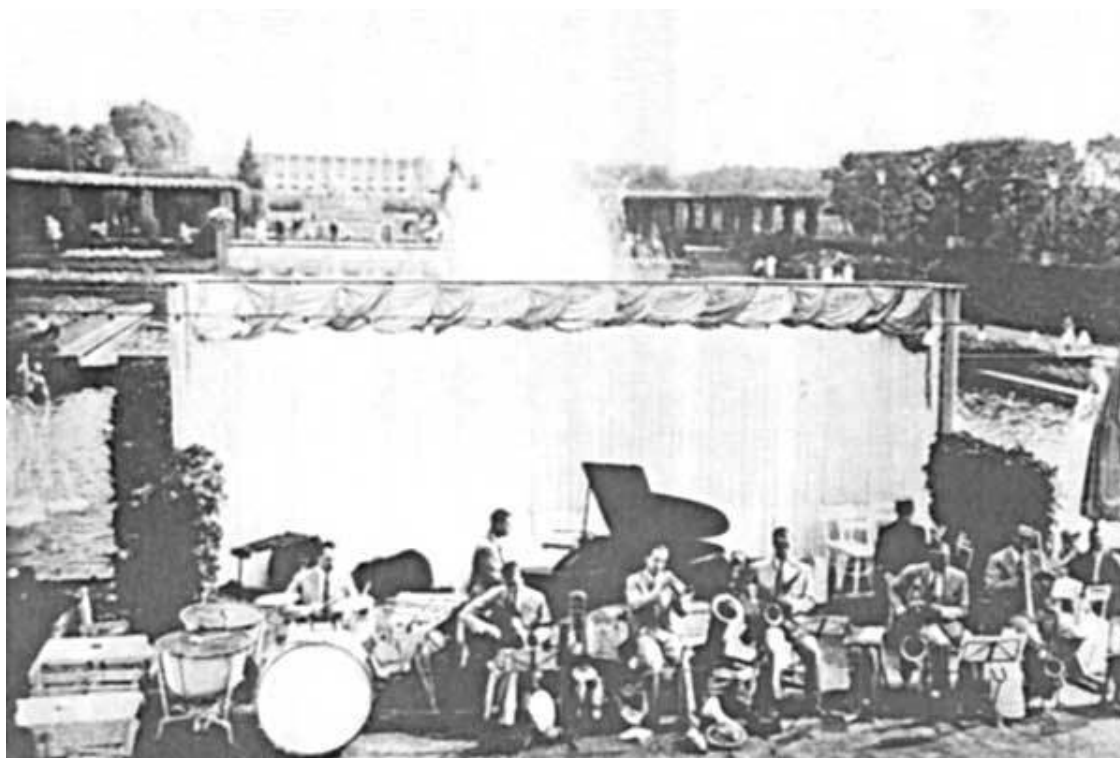
По всей видимости, уже весной 1929 года произошла первая встреча Рознера и Штефана Вайнтрауба – именно тогда пути оркестра Мити Никиша пересеклись с ансамблем *Weintraub Syncopators*. Хорст Бергмайер обратил мое внимание на наигранную, но не поступившую в продажу пластинку фирмы «Бека». Запись датируется 4 апреля 1929 года. Ее сопровождает отметка в соответствующем каталоге: «Митя Никиш с синкопаторами Вайнтрауба». По какой-то причине Никиш заменил на этой записи пианиста, работавшего у Вайнтрауба, а был им в ту пору композитор Фридрих Холлендер.

Так началось сотрудничество Ади с самым популярным шоу-бэндом Веймарской республики. К декабрю 1930 года Рознер превратился в «штатного» музыканта этого коллектива.

Ну что же, настала пора рассказать о том, кто они – Вайнтрауб, Холлендер и иже с ними.

Четыре десятилетия спустя Эдди Рознер назовет «синкопаторов» Вайнтрауба оркестром студентов-медиков. Да и исследователь джаза Владимир Фейертаг выскажется о них в аналогичном духе:

«История возникновения оркестра вполне типична для того времени: два безработных врача, три студента, инженер и конторский служащий решили “пробиться” на большую эстраду своим любительским ансамблем. Предприимчивость и энергия помогли им. Каждый из них освоил дополнительно несколько музыкальных инструментов, были подобраны номера для развлекательной программы и продуман каждый элемент сценического движения».

Летом 1932 года на выставке GRUGA в Эссене. Четвертый слева – Ади Рознер. Фото из архива Х. Бергмайера

Надо сказать, что любительский ансамбль стал вскоре одним из наиболее востребованных и искушенных в джазовом деле музыкальных коллективов Германии. Яков Басин, белорусский биограф Рознера, отмечал, что «танцевальные оркестры, скорее, имитировали джаз, нежели играли его». Но «синкопаторы» прилагали максимум усилий к тому, чтобы, развлекая, играть джаз по-настоящему. По признанию самого Вайнтрауба, они учились, подолгу слушая американские пластинки, и уже во время своего дебюта на большом балу звучали так современно, эффектно и оригинально, что «переманили» публику из соседних залов, где играли другие оркестры. Обалдевшая от восторга публика никак не хотела расходиться.

Зачастую в отечественной историографии Штефана Вайнтрауба называют тромбонистом. На самом деле уроженец города Бреслау (ныне – Вроцлав) Штефан «Степс» Вайнтрауб не был ни тромбонистом (в узком понимании этой музыкальной специальности), ни врачом, ни студентом-медиком. Он даже не помышлял о высшей школе, рассчитывая получить профессию фармацевта-провизора, но учеба была прервана войной – в 1916 году восемнадцатилетний Вайнтрауб оказался на фронте. Позже Штефан уже не вернулся к аптечному делу. Он хорошо играл на рояле, легко подбирая на слух американские мелодии, однако еще увереннее чувствовал себя за ударной установкой. И когда «синкопаторов» заметил популярный композитор, «берлинский бродвеец» Фридрих Холлендер, пригласивший музыкантов к участию в различных ревью⁵, Вайнтрауб с легким сердцем уступил ему место у фортепиано.

Вайнтрауб вспоминал в 1979 году: «Каждый из нас владел пятью инструментами. Поэтому мы могли играть такие произведения, как “Рапсодия в стиле блюз”. Мы просто меняли инструменты во время исполнения»⁶.

⁵ В 1927 году – ревью знаменитого режиссера Макса Райнхардта «Что вы хотите», «Разговоры гетер», «Это ты», «Это говорит о многом» и «У нас вокруг церкви Поминоновения».

⁶ Воспоминания Вайнтрауба и Холлендера приводятся по документальному фильму Йорга Зюсенбаха и Клауса Зандера *Bis ans andere Ende der Welt* (2000).

Игра на разных инструментах сопровождалась игрой с реквизитом, световыми эффектами, переодеванием, комедийными положениями. К примеру, таким: луч прожектора выхватывал музыканта, изображавшего соло на саксофоне, в то время как в темноте звучала флейта.

В репертуаре *Weintraub Syncopators* творчески осваивались и преломлялись многие элементы тогдашней легкой музыки – чарльстон и танго, латиноамериканские ритмы и новая венская оперетта, французский шансон, чикагский джаз и ранний свинг, фривольные тексты, в которых абсурдистские приемы соседствовали с пародиями на консервативную прусскую мораль. «Синкопаторы» поражали зрителя многосторонним, как сказали бы сейчас, комплексным подходом к делу. Важным фактором успеха была зрелищность – пантомима и буффонада. Позже находки своих коллег Рознер внедрит и в Польше (восхищая местных критиков), и в Советском Союзе (обозрение «Очи черные»).

Штефан Вайнтрауб стал бэндлидером благодаря жеребьевке, его оркестранты называли себя и «синкопаторами», и просто... «вайнтраубами», а Фридрих Холлендер долгое время считался кем-то вроде шефа.

Первые пластинки они записали в августе 1927 года. Интересно провести параллели с событиями в истории отечественной легкой музыки. Джаз на советском радио – в исполнении оркестра Александра Цфасмана – впервые зазвучал год спустя. Тогда же Цфасман наиграл пластинки.

Всё шло своим чередом. Удача сопутствовала «вайнтраубам». Гастрольный дебют за рубежом – в 1928 году, первое турне по Германии – в 1930-м. Всюду аншлаги, доброжелательные и восторженные отклики в прессе, иногда – легкий привкус скандала. В ревю *Bitte einsteigen* ансамбль выступал с нашумевшей танцовщицей и певицей-негритянкой из Парижа Жозефин Бейкер. В сентябре 1929 года «синкопаторы» участвовали в скандальной премьере пьесы «Купец из Берлина», музыку к которой написал симфонист Ханс Эйслер, будущий автор гимна ГДР. От появления звукового кино Вайнтрауб и его команда только выиграли – в то время как другие музыканты, занимавшиеся иллюстрацией фильмов, лишились этой работы, *Weintraub Syncopators* перебрались с просцениума на экран.

Марлен Дитрих в фильме «Голубой ангел»

Весной 1930 года на экраны вышел «Голубой ангел». Снятый по роману Генриха Манна с музыкой Фридриха Холлендера, фильм станет эпохальной картиной в истории мирового кинематографа. Вместе с ним на небосклоне актерского искусства взойдет звезда Марлен Дитрих, исполнявшей главную роль. Хотя факт участия Рознера в фильме оспаривается, фотографии со съемочной площадки, хранящиеся в киномузее Берлина – Немецкой синематеке, запечатлели не только Ади Рознера, который играет на скрипке в присутствии сидящей на рояле Марлен, но и Марлен, «играющую» на скрипке Ади⁷.

Актер и певец Макс Хансен пригласил Вайнтрауба и его бэнд в фильм «Кабинет доктора Ларифари». В немецком просторечии «ларифари» означает бессмысленные разглагольствования. Название пародировало небезызвестный киношедевр берлинского экспрессионизма «Кабинет доктора Калигари», один из первых фильмов ужасов.

Рудольф Нельсон ангажировал «синкопаторов» для участия в картине «И Нельсон играет». Музыка получилась, хотя бы частично, вполне в стиле Дюка Эллингтона тех лет.

Я поинтересовался у Ирины Прокофьевой-Рознер, младшей дочери трубача, как складывалась личная жизнь нашего героя. Ирина рассказала мне, что за оркестром ездила барышня по имени Элеонора. Девушка была влюблена в Рознера.

Как бы то ни было, «синкопаторы» всюду, где бы они ни выступали, вызывали у прекрасного пола повышенный интерес. В 1962 году Фридрих Холлендер так вспоминал о гастролях в Дании: «После удачной премьеры мы пригласили датских девушек-танцовщиц на праздник в ресторан гостиницы “Англетер”. Наши датские девушки не знали ни слова по-немецки, наши немецкие ребята не знали ни слова по-датски. Мы улыбались, обменивались непроизносимыми словами, пили на брудершафт. На каком языке? На третьем, не отмеченном ни в одном учебнике мировом языке, который имеет свою тайную грамматику».

⁷ См.: <http://www.marlenedietrich.org/pdf/News08.pdf>

Белый Армстронг

Дариуш Михальский, исследователь довоенной польской эстрады, пишет о знакомстве Рознера с Альфредом (Фредом) Шером. Фред Шер родился в начале века в Галиции, постоянно жил в Австрии и сочинял легкую музыку. В отличие от барона Бруннера факт существования Шера поставить под сомнение невозможно. Не исключено, что еще в 1930 году Фред и Ади вдвоем написали танго «Когда ты вернешься» (*Gdy wrócisz*, оно же *Jak gdyby nigdy nic*), причем Шер обеспечил премьеру песни в новом ревю на сцене модного варшавского кабаре «Морское око». Неплохой дебют, если учесть тот факт, что с легкой руки Ежи Петербургского (в СССР он был известен как Юрий (Георгий) Петербургский) и его «Донны Клары» польские танго только начинали входить в моду. Под названием «Останься» танго *Gdy wrócisz* будет украшать репертуар Рознера много лет спустя.

Берлин. Александрплац. 1930-е

Яков Басин:

По рассказам, свою первую мелодию Рознер написал, сидя за карточным столом. Фанатичный картежник, он заражал этой страстью окружающих. Но однажды кто-то из партнеров в разговоре спросил у Рознера: «Что, слабо написать мелодию?» Рознер взял со стола салфетку, подумал недолго, пожевал губами, а потом расчертил нотный стан и через несколько минут предъявил друзьям готовый текст.

Фред Шер пытался внушить Ади, что только на родине отца – в Польше он сможет добиться настоящих успехов. Другим патриотом, ратовавшим за Польшу был Лотар (Лионель) Лямпель, певец и кузен Ади по линии матери. Но это еще не все. Наверняка молодой трубач слышал о том, что его дальние польские родственники – Герман (Генрик), Ежи и Леопольд Рознеры, выступавшие под собственным брендом *Rosner Players*, весьма успешны в Познани, Кракове и Варшаве. «Среди польских музыкантов и руководителей ансамблей пианист Ежи Роз-

нер ценился высоко, – отмечает Михальский. – Среди прочего он играл в 1929 году в оркестре Фреда Мелодиста»⁸.

Берлин. Начало 1930-х

Тем не менее до переезда в Варшаву пройдет еще несколько лет...

Не суть важно, кто надоумил и уговорил Ади уехать. После того как Гитлер стал рейхсканцлером, помимо ширящихся запретов для не арийцев наш герой в буквальном смысле на себе испытал удары новой власти. Весной 1933 года в пивном баре на Александрплац к нему привязались нацистские молодчики. Рознер не был «парнем робкого десятка», к тому же занимался боксом. Но в эти дни ему стало понятно, что из Германии нужно бежать⁹.

Рознер «откололся» от «синкопаторов» летом, в том же году. Он ищет счастья в Бельгии и Голландии. Работы в Амстердаме с избытком, даже местная звезда – трубач Луи де Врис, претендент на звание лучшего европейского трубача, проявляет интерес к молодому коллеге. В Голландию перебирается Лотар Лямпель и уже 1 сентября 1933 года становится участником ансамбля *Internationals*, которым руководит брат де Вриса. В Брюсселе у Ади появился новый приятель – талантливый бельгийский саксофонист и аранжировщик Альфонс «Фад» Кандрикс. Набирая ансамбль для летнего сезона, Фад пригласил и Ади. С этим бэндом Рознер выступает в Брюсселе и Гааге, Амстердаме и на популярном бельгийском курорте Остенде. Скорее всего, именно здесь, в Остенде, Ади впервые собрал свой собственный коллектив – «Джек-бэнд». В числе музыкантов, сотрудничавших с Ади уже тогда, были барабанщик Георг «Джо» (Хаим) Шварцштайн и саксофонист Эрвин (Гарри) Вольфайлер.

«Сохранилась фотография, которую отец хотел послать Фаду Кандриксу, – рассказывает Ирина Прокофьева-Рознер. – Он подписал ее “Моему дорогому другу”. Почему-то она полуразорвана».

⁸ Кроме того, Ежи сочинял. Например, в 1932 году варшавская звукозаписывающая фирма «Сирена-Рекордс» выпустила пластинку со слоу-фоксом Ежи Рознера в исполнении оркестра Генрика Варса.

⁹ Рознер мог помнить и еврейский погром, который произошел в Сарайных кварталах десятью годами раньше.

Весть о том, что великий Армстронг, или, как его еще звали, Сатчмо, гастролирует по Европе, произвела на Рознера космическое впечатление, почти затмив собой все остальные события рокового 1933 года.

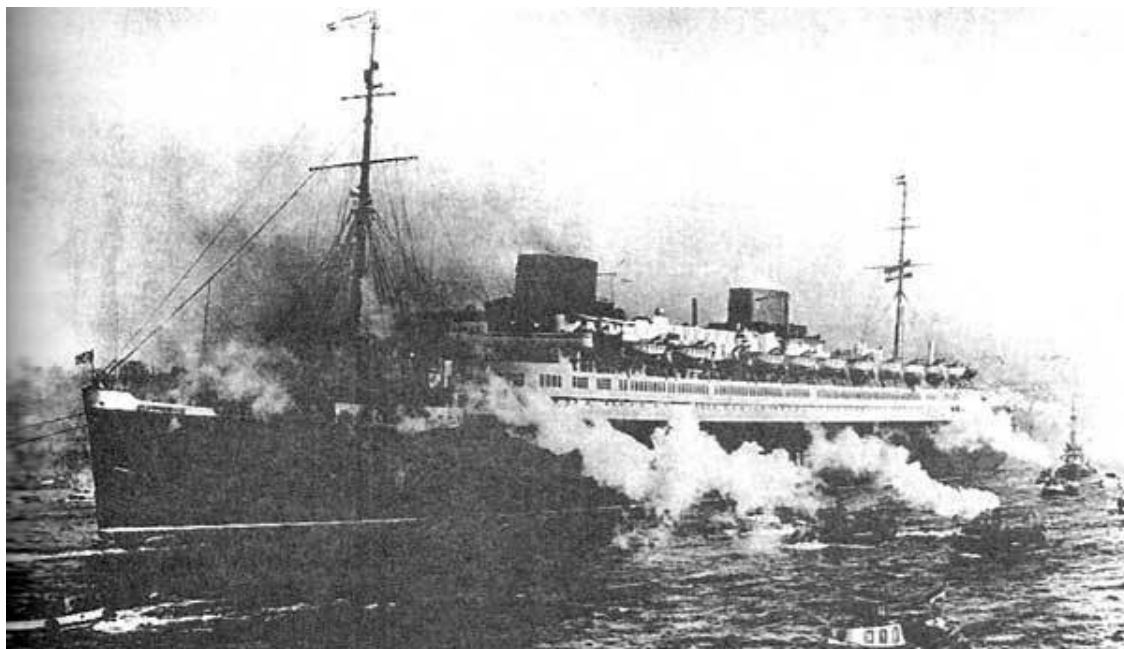
История встречи Луи и Ади вполне апокрифична. Каждый, кто ее когда-нибудь слышал, обязательно добавлял в сюжет что-нибудь от себя. Когда и где произошла эта встреча «в верхах»: в США, Италии, Бельгии? Был ли это конкурс трубачей или обычный джем-сейшн в одном из клубов? Получил ли Рознер в подарок от Армстронга фотографию с автографом или, может быть, трубу с выгравированной на ней дарственной надписью?

Некоторые авторы утверждали, что Ади познакомился с Армстронгом в Нью-Йорке в 1933 году. Журналист О. Загоруйко перенес это событие в 1932 год. Глеб Скороходов и Яков Басин настаивали на Милане.

Попробуем разобраться. В 1932 году бэнд Штефана Вайнтрауба в самом деле получил шанс пересечь Атлантику, да и у Сатчмо наметились первые европейские гастроли. Увы, единственное, что такая ситуация сулила Рознеру, – встречу двух кораблей: гамбургского парохода, на палубе которого «синкопаторы» развлекали пассажиров, и океанского лайнера с Армстронгом на борту, следовавшего по курсу Нью-Йорк – Лондон.

Перебирая даты, приходишь к еще более пресному выводу. Из Гамбурга Ади отплыл лишь в последней декаде июля, трудясь до 18-го в одном из дансингов Кельна. И именно 18-го Луи Армстронгу горячо аплодировали зрители лондонского «Палладиума». Сатчмо останется в Европе до ноября, однако траектория его путешествий будет ограничена Лондоном и Парижем.

В отличие от Армстронга, переплывшим океан «вайнтраубам» не удалось выступить «на суше» – для этого требовалось разрешение всемогущего профсоюза американских музыкантов. Познакомиться с Армстронгом в Нью-Йорке на следующий год можно было, лишь побывав до начала лета в Америке. Ведь уже в июне 1933 года Луи отправился в свое второе европейское турне, надеясь посетить несколько стран. Едва ли он вынашивал планы джазового конкурса, тем более не помышлял участвовать в чем-либо подобном. О том, что Сатчмо не стремился к совместным выступлениям с другими музыкантами, свидетельствует его биограф Дж. Л. Коллиер: «Армстронг крайне болезненно реагировал на угрозу конкуренции со стороны другого исполнителя». Встретившись в Париже «с цыганским гитаристом Джанго Райнхардтом, тогда еще только начинавшим свою карьеру», Луи так и не согласился выступить с ним. Причина была банальной: Джанго «уже приобрел популярность среди французской публики, и Армстронг явно воспринимал его как своего конкурента». По этой же причине Сатчмо «уклонился и от совместных выступлений с Коулменом Хокинзом», когда король американских саксофонистов приехал в Европу.

Немецкое круизное судно «Европа» на трансатлантической линии

В Европе Армстронг пробыл до начала зимы 1935 года. Теоретически Рознер мог его видеть и слышать в Италии, но гораздо проще было встретиться в конце 1933 года в Брюсселе. Луи находился в Бельгии целый месяц, и Ади не составило бы труда побывать на одном из выступлений своего кумира. Проникнуть за кулисы и даже пробраться на репетицию, пообщаться *after hour*¹⁰, обменяться музыкальными репликами – почему бы и нет? Неформально посостязаться или – по меньшей мере – продемонстрировать Армстронгу свой класс игры.

«Так был ли конкурс?» – задал я вопрос Хорсту Бергмайеру. Мои догадки и аналитические упражнения совпали с версией, которой придерживается голландский коллега. Вот ее суть. После концерта, который Армстронг дал в Брюсселе 13 ноября 1934 года¹¹, Луи посетил несколько джаз-клубов. В одном из этих клубов играл Ади. Игра Рознера произвела на Армстронга большое впечатление, и Сатчмо пригласил своего коллегу прийти к нему в отель на следующий день – «поболтать». «Конкурса, о котором наперебой пишут различные авторы, цитируя друг друга, никогда не было», – заключает Бергмайер, опираясь на собственную переписку с Лотаром Лямпелем.

На память об этих днях у Рознера появилась фотокарточка с рекламным портретом любимого исполнителя и лестным автографом: «Белому Луи Армстронгу от черного Ади Рознера».

Что касается трубы, тут всё сложнее. Среди труб и корнетов Армстронга имелся *Buescher Truetone 10-22R*. Современники помнят в арсенале Рознера золотистый корнет производства той же американской фирмы – *Buescher Band Instrument Company*, основанной немцем Гусом Бюшером. Можно предположить, что, купив корнет в 1932 году во время работы с «синкопаторами», Ади попросил манхэттенского гравера сделать надпись: «Ади Рознеру от Нью-Йорка». Именно так, по некоторым свидетельствам, гласила надпись на «золотой» трубе.

¹⁰ После мероприятия (англ.).

¹¹ В Palais des Beaux Arts (во Дворце изящных искусств).

«Они все здесь»

Видели ли вы когда-нибудь замечательный фильм «Ва-банк», действие которого происходит в Польше 1934 года? Мало того что фильм насыщен джазовой музыкой, отдельные внешние черты главного героя этой криминальной комедии – трубача и взломщика сейфов Хенрика Квинто весьма схожи с обликом Рознера. С той лишь разницей, что Рознер не совмещал столь разные профессии, то есть банковские учреждения не грабил. К тому же он был гораздо улыбчивее и лет на тридцать моложе упомянутого экранного персонажа – музыканта и «медвежатника».

По утверждению Дариуша Михальского, Ади Рознер появился в Варшаве не позднее 1934 года. Джазовых и околоджазовых оркестров, игравших тогда в ресторанах и кабаре столицы и других больших городов Польши, было много – достаточно назвать ансамбли Зигмунта (Сигизмунда) Карасинского и братьев Гольд (их танго исполнял Петр Лещенко), Ежи Бельзацкого и Ежи Петербургского (автора «Утомленного солнца», который сотрудничал с Гольдами), Генрика Варса и Феликса Конарского (Реф-Рена), Фреда Мелодиста и др.

Бельзацкий навсегда запомнил день знакомства с Рознером. Было трудно не заметить, что аккуратный молодой человек прибыл издалека, но почему-то налегке, полностью соответствуя известной античной формуле *omnia tua tecum porto*: всё свое ношу с собой. В одной руке – футляр с трубой, в другой – маленький саквояж с бельем и личными принадлежностями. На вопрос Бельзацкого «А где оркестровки?» Ади рассмеялся: «Они все здесь» – и прикоснулся пальцем ко лбу.

Ансамбль Е. Петербургского (третий слева). В центре – Г. Гольд. Варшава, 1930-е

Сам Бельзацкий в разные годы работал у Генрика Гольда и Франтишека Витковского, побывал в США, где даже заглядывал в *Cotton Club* и был свидетелем выступлений американских джазменов. Ежи с радостью принял Ади в состав бэнда. Ему уже приходилось слышать о Рознере, однако еще приятнее было убедиться, что слухи о замечательном музыканте – не пустой звон. Слава подтверждалась умением. «Еще тогда поразил он всех своим коронным

номером – одновременной игрой на двух трубах», – отмечал Ежи. Впрочем, очень скоро Бельзацкий понял, что Рознер намеревается сколотить собственный ансамбль.

Первый удобный случай для этого представился не в Варшаве, а в Кракове. Ангажемент в кафе *Cyganeria* позволил Ади собрать септет – коллектив из семи музыкантов. В этот состав Рознер пригласил как польских исполнителей, так и тех, кто был вынужден покинуть Германию по причине своего происхождения. В итоге подобрался коллектив, состоявший из группы саксофонов-кларнетов (в нее входили уроженец Лодзи цыган Тони Левитин, немецкие евреи Бобби Фидлер и Густав Виренберг), а также неполной ритм-секции (Станислав Пьецух играл на тубе и контрабасе, Симон Гелишковский на фортепиано, Георг «Джо» Шварцштайн – на ударных). Для того чтобы состав отвечал «стандарту» малого джаз-оркестра, требовались тромбонист, гитарист и еще один трубач.

Появился в ансамбле и певец – эту роль взял на себя Лотар Лямпель. Вокал Лямпеля примечателен по-своему. Во-первых, Лотар пел по-английски почти без акцента. Во-вторых, его манера пения не уступала многим крунерам – исполнителям лирико-сентиментальных баллад. Недаром Лямпель вскоре запишет с оркестром Рознера песни из репертуара популярного английского эстрадного вокалиста тех лет Эла Боули.

Варшаву удалось покорить быстро. Два известных увеселительных заведения польской столицы – кафе «Эспланада» и *Palais de Danse* – распахнули свои двери для ансамбля Ади Рознера. Здесь Ади играл на «файвах» – так в Польше называли танцы к чаю в пять. Современники отмечали, что молодежь, приходившая потанцевать, во время выступлений рознеровского джаза, начисто забывала о танцах: «файв» превращался в концерт. Оркестр Рознера звучал по-американски стильно, виртуозно и свежо. Выпускник Берлинской консерватории Владислав Шпильман – впоследствии узник Варшавского гетто (его история запечатлена в фильме Романа Полански «Пианист»), организатор фестивалей в Сопоте и автор дебютной

песни Эдиты Пьехи – был свидетелем «файвов» Рознера. На вопрос Дариуша Михальского, «что играл Ади», Шпильман дал самый простой ответ: «Всё. Всё то, что тогда играли в мире: *All of Me, Body and Soul, Little White Lies, Moonglow, Night and Day, Stardust, Stormy Weather* (американские джазовые стандарты). А также то, что подсказывало ему чутье бэндлидера: самый чуткий художественный компас».

В 1936 году Рознер записывается на фирме «Сирена рекордс». Сообщая о выходе новых пластинок, фирма подчеркивала, что «слава Рознера уже энное время назад проникла в Польшу из-за границы, но только благодаря зарубежным дискам польская аудитория могла наслаждаться его игрой. Наконец записи этого отличного дирижера и трубача выходят на польских пластинках, которым наверняка суждено будет стать образцом для подражания. О том, что коллектив г-на Рознера постепенно превращается в мощный симфоджаз, свидетельствуют его последние записи».

В числе записей были два танго – «Ты и я» Альфреда (Фреда) Шера и «Для чего» Зигмунта Шаца, фантазия «Негритянская деревня» («Эхо джунглей») на музыку Дюка Эллингтона (Рознер будет часто ее исполнять впоследствии), пасодобль «Для тебя, синьорино» и «Румынский фокстрот», маскировавший горячую американскую композицию *The Man From South* («Парень с юга»).

Понятен интерес Рознера к танго – этим жанром «болела» Польша. К тому же сам Ади уже давно питал слабость к латиноамериканской музыке, итало-испанской тематике. Но почему «Румынский фокстрот»? Зачем такой камуфляж, если даже ведущий советский бэнд-лидер Александр Цфасман в Москве запишет «Парня с юга», не меняя названия?¹²

Саксофонист Александр Галицкий, игравший у Рознера в ту пору, вспоминал, что оркестр с неоспоримым свингом исполнял разнообразный репертуар, в котором джазовые аранжировки занимали самое важное место. Позже именно в записях Рознера тех лет Галицкий находил подлинную атмосферу эпохи биг-бэндов, сетуя, что «в наше время уже никто так не умеет играть».

«С самых первых тактов меня поразил непривычный стиль исполнения, – писал Александр Ландау в краковском журнале “Ас”, – необыкновенная динамика, сочное звучание оркестра, с немногочисленным, но удачно подобранным сочетанием инструментов... Особенно заинтересовал меня дирижер, который на своей трубе вытворял настоящие чудеса. Диапазон звуков, которыми владел этот музыкант, захватил всех присутствующих. Ни одна танцевальная пара не вышла на паркет – все внимательно слушали: это был первый польский джаз-оркестр, игравший в зарубежном стиле».

Дариуш Михальский отмечает, что имя Рознера становилось всё известнее в Польше и за ее пределами. Ади слыл теперь джазовым гуру: и обыватели, и специалисты охотно слушали не только его игру, они прислушивались к его мнению. В 1937 году авторитетный британский еженедельник *Melody Maker* упомянул Рознера на своих страницах.

В ту пору у нашего трубача были постоянные ангажементы в трех городах – Варшаве, Кракове (ресторан «Казанова») и Лодзи, где он, по некоторым сведениям, даже открыл свой собственный кабачок *Chez Ady* («Дорогой Ади»).

¹² В Советском Союзе, кстати, подобные ухищрения были бы вполне объяснимы. Тот же Цфасман наиграл на пластинки немецкий шлягер *Küss mich, bitte bitte küss mich*, звучавший в гитлеровском рейхе в исполнении испанки Розиты Серрано, как анонимную инструментальную пьесу с бесхитростным заголовком «Я люблю танцевать». Текст этой песенки, оставшийся неизвестным советскому слушателю, звучал весьма легкомысленно. «Целуй меня, пожалуйста, прошу тебя, целуй меня, пока не пришел последний трамвай, целуй меня без пауз... Ведь если придет трамвай, я должна домой», – восклицала пламенная Розита. И веселые пальцы Цфасмана воспроизводили эту легкость, лукавство и энергетику. Помимо «Парня с юга» Ади «совпал» тогда с советскими джазменами еще как минимум дважды – я имею в виду эллингтоновский «Караван» и еврейско-цыганский фокстрот «Джозеф» («Йозеф, Йозеф», «Иосиф»), который Рознеру наверняка доводилось слышать в интерпретации Джанго Райнхардта.

В варшавском клубе УМСА (международной молодежной христианской организации) Рознер познакомился с Ароном Хекельманом, выступавшим под псевдонимом Альберт Гаррис. Гитарист и певец, Гаррис был самоучкой: он играл и пел по слуху. А еще сочинял музыку, которую записывал Метек – родной брат Альберта.

Статья из польского журнала 1930-х годов о «белом Армстронге»

Каждому из них, и Рознеру и Гаррису, было чем похвастаться друг перед другом. Тремя годами раньше Альберт в качестве гитариста участвовал в лондонских записях Коулмена Хокинза, а год назад напел для шеллачных дисков несколько польских шлягеров. Рознер с гордостью рассказал об обилии современных аранжировок в репертуаре оркестра, причем импортных – из Брюсселя и Лондона. Бельгийскими снабжал друг Кандрикс, английскими – знакомая переводчица из Национальной кинокорпорации, пересекавшая Ла-Манш не менее трех раз в год.

В ознаменование начала совместной работы Ади пообещал написать партитуру сам. Рознер сдержал слово, подарив Альберту собственноручно сделанную отличную обработку темы Джимми Кеннеди *Did You Mother Come From Ireland*. Дальнейшие события трудно объяснить. Партитура Рознера попала в оркестр Генрика Варса, с которым Гаррис и записал ее на пластинки, исполнив песню Кеннеди на польском языке. А отношения Ади Рознера и Генрика Варса, который был кем-то вроде штатного дирижера фирмы «Сирена-рекордс», испортились навсегда.

В 1936 году Рознер в одном из интервью так охарактеризовал джазовую сцену Польши: «Я должен признать, что наши коллективы не дотягивают до заграничного уровня игры. Часть вины, несомненно, лежит на них самих, потому что они не стремятся принять стиль, характерный для американских и английских оркестров. В значительной степени, однако, виноваты и директора увеселительных заведений. Всё еще бытует неправильная точка зрения, что душа команды – элегантно одетый скрипач, который отвечает за контакт с аудиторией и ее настроение. Качество музыки играет второстепенную роль. [...] В общем, у нас есть хорошие музыканты, но они до сих пор придерживаются старомодного и монотонного стиля игры».

Таким элегантно одетым скрипачом безусловно был популярный Генрик Гольд, руководивший своей капеллой на пару с не менее популярным композитором Ежи Петербургским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.